

ЗДАНИЯ И СООРУЖЕНИЯ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА В ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКЕ НОВГОРОДА (середина XIX – начало XX века)

В XIX – начале XX в. в Новгороде размещался крупный воинский гарнизон, оказывавший заметное влияние на различные стороны городской жизни. Для размещения войсковых частей в городе и обслуживания различных их нужд требовалось большое количество зданий и сооружений. К середине XIX в. в черте города сформировалось два основных комплекса казарменных, хозяйственных и других построек военного назначения. Один из них занимал часть квартала, ограниченного Тихвинской, Мининской, Большой Санкт-Петербургской и Завальной улицами. Место для постройки деревянных казарм и конюшен, рассчитанных на два эскадрона л.-гв. Конно-егерского полка, указал на плане Новгорода император Александр I. Комплекс был построен в 1816–1819 гг.¹ После перевода полка в Кречевицы в казармах размещались артиллерийские части.

Ещё один казарменный комплекс сформировался в Новгороде к северу от Зверина монастыря, на обоих берегах р. Гзень. В 1774–1778 гг. в этой части города были построены корпуса для размещения Адмиралтейской парусной фабрики². В 1829 г. выпуск «парусных полотен и флагтуха» на фабрике был прекращён³, и в 1832 г. началось приспособление строений фабрики для размещения войск⁴.

К середине XIX столетия оба комплекса были заняты войсками, однако не могли в полной мере удовлетворить все их потребности. Вследствие этого на протяжении последующих десятилетий военным ведомством было сооружено ещё несколько зданий и сооружений для

¹ *Кучевский И. М.* Лейб-гвардии Драгунский полк (лейб-гвардии Конно-егерский). 1814–1914. Т. I. СПб., 1914. С. 22–23, 27.

² *Мурзанова М.* На московско-новгородской парусной фабрике (1696–1772–1829 гг.) // Архив истории труда в России, выпускаемый Учёной комиссией по исследованию истории труда в России. Кн. 2. Пг., 1921. С. 2.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 2. Т. IV. СПб., 1830. С. 952–953.

⁴ *Трифонов А. Н., Карасева И. В.* Новгород первой половины – середины XIX в. глазами очевидцев // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород, 2005. С. 12.

квартирующих в городе войск. Из-за отсутствия свободного места на территории казарменных комплексов часть этих строений была возведена за их пределами.

Одним из самых ярких и сложных в инженерном отношении сооружений XIX в. в Новгороде является манеж (экзерциргауз). Подготовительные работы по его сооружению начались в ноябре 1833 г., когда был высочайше утверждён проект экзерциргауза с церковью, для составления подробной сметы в январе следующего года отправленный заведующему работами в Новгороде генерал-майору Волкову. Составленная последним смета с указанием количества необходимых для строительства материалов и рабочих, но без расчёта требуемых для этого сумм, была утверждена Общим присутствием Департамента военных поселений 25 мая 1839 г. В последующие годы в Департамент военных поселений ежегодно представлялись выдержки из этой сметы с указанием работ, которые предполагалось выполнить «в размере ассигнуемой суммы». Лишь в 1847 г. управлением 1-го округа Корпуса инженеров военных поселений была составлена полная смета с указанием уже затраченных на возведение здания сумм. К этому времени на работы, произведённые в 1843–1846 гг., было потрачено 37 366 руб. 59 коп.⁵ В 1845 г. были возведены стены, в 1846 г. – три портика (два на торцах здания и ещё один – на пристройке к центральной его части) с 18 пилястрами⁶. Для завершения строительства требовалось 22 228 руб. 35 коп.⁷ В 1851 г. заведующий работами в Новгороде и первых четырёх округах пахотных солдат инженер-полковник Иваницкий сообщил в управление 1-го округа Корпуса инженеров военных поселений, что «состоящий при казармах трёх батальонов в г. Новгороде каменный экзерциргауз постройкою доведён до такой степени, что квартирующие войска начали уже производить ученье»⁸.

В центральной пристройке к манежу в 1884 г. была освящена церковь св. Александра Невского. Устройство храма в пристройке было изначально предусмотрено проектом. Это был распространённый в новгородских военных поселениях тип церквей, аналогичные храмы были построены и освящены во всех штабных комплексах поселённых полков на территории Новгородской губернии. Однако при строительстве манежа в Новгороде от идеи размещения храма в пристройке отказались. Вместо этого в ней устроили гальванический класс, фехтовальное и гальваническое отделения для Гренадерского сапёрного батальона. В 1862 г. здание было переоборудовано под склад инструментов и материалов инженерного ведомства.

В 1864 г. расположенные поблизости от манежа казармы занял 85-й пехотный Выборгский полк, который вернулся к идее устройства

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 7. Д. 1840. Л. 29–30 об.

⁶ Там же. Л. 39 об, 41 об.

⁷ Там же. Л. 30 об.

⁸ Там же. Л. 148.

храма в пристройке к манежу. В сентябре 1884 г. в здании была освящена церковь св. Александра Невского, устроенная частью на церковные средства, частью на полковые суммы и пожертвования бывших офицеров полка⁹. В начале XX в. к церкви были приписаны деревянная часовня на Александро-Невском гарнизонном кладбище¹⁰, расположенном в полуверсте от манежа, и освящённая 17 сентября 1909 г. церковь св. Николая в Трубичино, где квартировал один из батальонов полка¹¹.

Однако к началу XX в. здание церкви находилось в ветхом состоянии. По словам полкового священника В. Н. Криницкого, «помещение церкви крайне сырое и зимою очень холодное, так что во время сильных морозов в декабре и январе месяцах вода, оставленная в церкви на ночь, покрывается слоем льда. После самой усиленной топки температура не поднимается выше 4–5 гр. по Р. <...> Вентиляции в церкви нет; благодаря холоду, сырости и отсутствию вентиляции иконостас, иконы и позолота портятся; церковные облачения и утварь быстро изнашиваются и ветшают. Во время скопления богомольцев по стенам образуются потоки сырости. Осушить же церковь вследствие плохого устройства топок, долговременной сырости и отсутствия хорошей вентиляции нет никакой возможности <...> пол в алтаре и в части, где стоят молящиеся, подгнил и проваливается, причём замечается ежегодное опускание пола книзу <...> на потолке в штукатурке по всем направлениям видны трещины, и это грозит обвалом штукатурки; крыша протекает, и на потолке видны пятна от протекшей через крышу воды; в восточной алтарной стене от потолка, через арки окон проходят две трещины, которые грозят разрушением стены»¹². Не устраивала священника и вместимость церкви – 200 человек, «и то при тесном расположении». Из-за этого нижние чины были вынуждены посещать другие храмы, при этом многие «отправляясь из полка накануне и в самые дни праздника в чужеприходные церкви, на самом деле церковей не посещают, и это вредно отражается на религиозно-нравственном состоянии нижних чинов полка»¹³. Ещё одним неудобством была необходимость совмещать богослужения с происходящими в соседнем помещении манежа учениями: «происходит, например, служение литургии, а в манеже производится гимнастика под музыку или другое учение с музыкой или барабанным боем <...> Был случай, когда на мою просьбу о прекращении игры на гармонике, под звуки которой люди обучались гимнастике, обучающий офицер артиллерии ответил посланному: «Скажи батюшке, что у нас назначено определённое время для пользо-

⁹ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 3630. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Цитович Г. А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание в двух частях. Пятигорск, 1913. С. 106.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 5. Д. 7813. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 3.

вания манежем, и когда оно кончится, я музыку прекращаю; мы здесь под музыку не танцуем»¹⁴.

Всё это послужило основанием для ходатайства полка о передаче в его ведение Тихвинской военно-местной церкви. 29 октября 1913 г. в соответствии с высочайше утверждённым положением Военного совета Тихвинская церковь была передана в ведение 85-го пехотного Выборгского полка, став полковой¹⁵. Церковь при манеже была закрыта в следующем году.

Манеж являлся одним из самых крупных общественных зданий города. Помимо строевых занятий войск, в нём проводились различные полковые торжества, организовывались театральные представления для военнослужащих, конноспортивные состязания, а также гимнастические занятия для образованных в 1911 г. отрядов «потешных». По своему прямому назначению манеж использовался вплоть до Великой Отечественной войны. В послевоенные годы здание было приспособлено для размещения мотороремонтного завода. В конце 1980-х гг. завод покинул здание манежа, и было начато его переоборудование под спорткомплекс. В 1999 г. здание было передано Специализированной детско-юношеской спортивной школе Олимпийского резерва, и с 2001 г. в нём действует спортивно-оздоровительный комплекс.

Если строительство манежа велось на принадлежащей военному ведомству земле, то в последующие десятилетия возведение новых зданий в интересах Новгородского гарнизона зачастую было сопряжено с необходимостью выделения под них участков земли, принадлежавших городу. В таких случаях интересы гарнизона порой вступали в противоречие с интересами городских властей и общества, что могло приводить к возникновению конфликтных ситуаций.

Широкий резонанс получил конфликт, возникший между управлением 22-й артиллерийской бригады и властями Новгорода в связи с необходимостью отведения участка под строительство офицерского собрания бригады.

22-я артиллерийская бригада, квартировавшая в Новгороде с 1860-х гг., долгое время испытывала острую потребность в отдельном здании для офицерского собрания. До его постройки собрание размещалось в съёмной квартире на Легощей улице¹⁶. После многолетних ходатайств управления бригады военное ведомство в 1910 г. выделило необходимую на строительство здания сумму. Поскольку бригада не располагала свободными земельными участками и средствами на их приобретение, её командир генерал-майор С. Н. Златарский обратился 2 марта 1910 г. к городскому голове с просьбой отвести под строительство здания участок площадью 330 кв. сажен (33 саж. по фронту и 10 саж. в глубину) на Газоне или напротив деревянных казарм бри-

¹⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 7813. Л. 3 об.

¹⁵ ПСЗ. Собрание 3. Т. XXXIII. Отделение I. Пг., 1916. С. 1278–1279.

¹⁶ Z. По поводу отказа Новгородской городской думою дать место в городе для постройки гарнизонного собрания // Волховский листок. 1910. № 1891. 11 июля. С. 2.

гады¹⁷. В ответе, направленном 4 марта 1910 г., сообщалось, что вопрос был рассмотрен Финансовой комиссией Городской думы, пришедшей к выводу о невозможности удовлетворить просьбу бригады по причине отсутствия у города свободных участков в указанных местах¹⁸. Не удовлетворившись таким ответом, командир бригады 11 марта обратился в Городскую управу с просьбой представить ходатайство на рассмотрение Городской думы, отмечая при этом, что в случае отказа в выделении просимого участка собрание придётся строить за пределами города, а это, в свою очередь, причинит значительные неудобства офицерам и их семьям. Ввиду того, что постройка здания должна была начаться в мае 1910 г., генерал С. Н. Златарский просил рассмотреть вопрос на ближайшем заседании думы и принять окончательное решение до конца апреля¹⁹. При этом бригада по-прежнему настаивала на выделении участка на Газоне или напротив казарм.

Убедившись в ходе переговоров с представителями Городской управы и в результате осмотра указанных мест в невозможности удовлетворения такой просьбы, генерал С. Н. Златарский 2 апреля возбудил новое ходатайство – об отведении под постройку примыкающего к Петербургской улице участка древнего городского вала²⁰. Просьбу поддержала Новгородская инженерная дистанция, сообщавшая 9 апреля в Городскую управу о том, что здание офицерского собрания «займёт начало земляного вала против св. Духова монастыря по ширине всего вала вдоль Петербургской улицы. По длине необходимо занять вал до 28 пог. саж. Завальная улица при этом сужена не будет, а наоборот – ширина её увеличится на длину не менее одной саж. Ближайший участок земляного вала будет исправлен»²¹.

6 апреля вопрос обсуждался на совместном заседании Городской управы и Финансового комитета думы с участием представителей бригады, инженерного ведомства, Новгородского общества любителей древности и Новгородской губернской учёной архивной комиссии. Председатель общества любителей древности М. В. Муравьев привёл историческую справку о земляном вале и высказался безусловно против удовлетворения ходатайства бригады «как нарушающего интересы охранения памятников древней старины, на что вряд ли Императорская археологическая комиссия даст своё согласие». К мнению присоединился и представитель архивной комиссии В. А. Подобедов, отметивший, что выделение участка вала под постройку может создать нежелательный прецедент. Военный инженер подполковник М. И. Лилье в ответ заявил, что мера эта вынужденная и что при строительстве собрания на валу предполагается находящуюся в крайне неудовлетворительном состоянии Завальную улицу «замостить и вообще привести это место в

¹⁷ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁹ Там же. Л. 3–4.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 10а–10а об.

приличный вид», ямы в валу напротив Артиллерийских конюшен засыпать и наблюдать, чтобы вал сохранялся в неприкосновенности. Вал предполагалось скрыть на протяжении по длине Завальной улицы не более 25 саж., и частью полученной земли, не суживая Завальной улицы, а наоборот, расширив её на 0,55 саж., спланировать место шириною по Петербургской улице в 8 саж. для возведения здания.

По итогам обсуждения Финансовая комиссия пришла к выводу о возможности выделения военному ведомству под постройку просимого участка вала, но со следующими условиями: «1) Завальная улица, не суживая её, должна быть замощена на протяжении не менее как квартала до Артиллерийских казарм и постоянно содержаться в исправности; 2) испорченную часть вала против Артиллерийских конюшен, то есть ямы, засыпать и иметь наблюдение за сохранением вала в его неприкосновенности; 3) вал должен оставаться по-прежнему доступным для публики на всём дальнейшем протяжении его за Офицерским собранием, протекающую вдоль вала р. Гзенку прочищать и не засаривать». Тем самым, по мнению комиссии, достигалась бы «цель городского благоустройства», было бы исполнено пожелание 22-й артиллерийской бригады и при этом не нарушались бы интересы археологии, так как уничтожению должна была подвергнуться лишь небольшая часть вала, притом та, которая «уже и теперь оползла и не имеет вид древнего вала». Городская управа согласилась с заключением комиссии²².

9 апреля 1910 г. состоялось экстренное заседание Городской думы с участием командира бригады генерала С. Н. Златарского. Последний в своей речи обосновал необходимость существования Офицерского собрания «в целях научных, военных и общественных» и просил о скорейшем разрешении вопроса. В противном случае бригада могла лишиться кредита, полученного после «усиленных о том ходатайств». Если же дума не сочла бы возможным выделить для этой цели участок вала, С. Н. Златарский просил определить другое место, но обязательно на Софийской стороне. По итогам голосования ходатайство было отклонено, а решение вопроса об изыскании и отводе места поручили Финансовой и Оброчно-земельной комиссиям думы²³. На совместном заседании указанных комиссий 12 апреля были рассмотрены возможные альтернативные участки: Газон, площадь на «Весёлой горке», участок вала напротив конюшен 22-й артиллерийской бригады, участок в кремле за зданием Присутственных мест. Однако все они в силу разных причин оказались непригодными для этой цели. Приобретение же земельного участка потребовало бы от города расхода не менее 5000 рублей, которых в городской казне не было. В итоге было принято решение рекомендовать думе выделить бригаде просимый ею участок вала²⁴, и на

²² ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 15–18.

²³ Там же. Л. 19–20.

²⁴ Там же. Л. 21–21 об.

заседании думы 30 апреля 1910 г. соответствующее решение было принято²⁵.

Перспектива уничтожения части древнего вала и постройки на его месте офицерского собрания вызвала негативную реакцию общественности. Протест выразили Новгородское общество любителей древности, обратившееся за содействием к великому князю Константину Константиновичу (11 мая письмо председателя общества было передано великим князем военному министру В. А. Сухомлинову)²⁶, Общество архитекторов-художников, выразившее в письме на имя городского головы уверенность, что собрание может быть построено без «всякого разрушения Новгородской Старины, ещё вовсе неисследованной и столь богатой находками»²⁷, Императорская археологическая комиссия, 10 мая направившая протест новгородскому губернатору. Кроме того, возражения звучали и со стороны церковных властей. 7 мая губернатор получил заявление от настоятельницы Свято-Духовского монастыря, в котором она просила об отмене постановления Городской думы, так как «офицерское собрание, устроенное по соседству с обителью, нарушит покой монахинь и поведёт ко многим незаслуженным нареканиям». В тот же день с той же просьбой к губернатору обратился архиепископ новгородский и старорусский Гурий. В итоге распоряжение Городской думы об уступке части вала было признано губернатором «несогласным с законом». Вопрос был передан на рассмотрение Губернского по земским и городским делам присутствия, принявшего решение об отмене постановления Новгородской городской думы²⁸.

Управление бригады было вынуждено искать другой участок. 30 июня генерал-майор С. Н. Златарский обратился в Городскую управу с просьбой в кратчайшие сроки решить вопрос о выделении участка на Газоне (между театром и женской гимназией) или приобретении принадлежащего Кириллову монастырю участка на углу Тихвинской и Мининской улиц. В письме отмечалось, что деньги на постройку собрания уже ассигнованы, план здания, утверждённый Главным инженерным управлением, препровождён в Новгородскую инженерную дистанцию, распоряжения о торгах на постройку сделаны, однако начало строительных работ задерживается из-за отсутствия места. Если же работы не будут начаты до 1 августа, деньги будут использованы военным ведомством на другие нужды²⁹. Новгородская инженерная дистанция в отношении 28 июня 1910 г. также запрашивала управу о возможности выделения участка в кратчайшие сроки, отмечая, «что работа собрания на значительную сумму, как всякая лишняя работа в городе, хотя немного, но косвенно отражается на промышленности города, а, сле-

²⁵ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 22–22 об.

²⁶ Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 141. Л. 144–145.

²⁷ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 24.

²⁸ Там же. Л. 25 об–25а.

²⁹ Там же. Л. 34–34 об.

довательно, и на его благосостоянии»³⁰. И всё же на заседаниях 5 и 20 июля дума отклонила ходатайства как о выделении участка на Газоне, так и о приобретении его у Кириллова монастыря³¹.

Однако, учитывая экономические интересы города, для которого квартирующие войска были важным поставщиком заказов и подрядов, полностью проигнорировать просьбу бригады дума не могла. Основываясь «на мотивах экономического свойства, вытекающих из стоянки в городе частей войск, в данном случае артиллерийской бригады, по случаям предположенной к тому же к увеличению в штатном составе», гласный думы М. А. Прокофьев внёс предложение о повторном рассмотрении вопроса об уступке земли бригаде на Газоне. В ходе обсуждения был предложен другой участок – в конце Сенной площади, у церкви св. Власия. Предварительное рассмотрение вопроса было поручено Финансовой комиссии³². Осмотрев место, комиссия признала возможным выделить бригаде участок на Сенной площади, и 4 августа дума приняла соответствующее постановление³³.

Тем временем тональность писем, направляемых управлением бригады и Новгородской инженерной дистанцией городским властям, становилась всё более жёсткой. 9 июля начальник дистанции полковник Фомин писал в отношении в Городскую управу: «Прошу дать скорейший определённый ответ в недельный срок, на что я рассчитываю. Полагаю, что это вполне возможно, если только город может и действительно желает отвести нужный участок, идя навстречу нуждам гарнизона города, которым город наполовину живёт. В противном случае Инженерное ведомство, во избежание проволочек, не будет уже принимать в расчёт одни лишь словесные выражения готовности некоторых гласных города идти навстречу интересам Новгородского гарнизона, не осуществляемые на деле»³⁴. Более того, в отношении в Городскую управу от 11 июля начальник дистанции выразил сомнение в принадлежности Газона городу, так как «прежде этот участок значился площадью для парадов». Следовательно, участок, на котором располагались сдаваемые городом в аренду здания театра и цирка, не должен был застраиваться вовсе³⁵. В направленном полковнику Фомину ответе говорилось: «Никаких сомнений в принадлежности городу городских улиц и площадей быть не может. К их числу относится и площадь т. н. Газон. Все улицы и площади, значащиеся на Высочайше утверждённом плане г. Новгорода, составляют принадлежность Городской управы <...> и никаких документов на принадлежность улиц и площадей городу, кроме Высочайше утверждённого плана города, быть не может»³⁶.

³⁰ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 35–35 об.

³¹ Там же. Л. 39–40, 50 об.

³² Там же. Л. 50 об.

³³ Там же. Л. 55 об.

³⁴ Там же. Л. 45–45 об.

³⁵ Там же. Л. 47–47 об.

³⁶ Там же. Л. 48–48 об.

Ещё более резким был тон письма, отправленного командиром бригады в управу 11 августа. В нём он, в частности, заявлял, что предложения городских властей «доказывают не только полное отсутствие желания со стороны Городской управы пойти навстречу нуждам бригады, а наоборот, являются скрытым издевательством – предлагая то, что очевидно не будет дозволено или будет неприемлемо. Такие предложения в высшей степени обидны для бригады». В том же письме генерал сообщал, что место на Сенной площади «отведено городом очень далеко от бригадного района, и потому там не может быть выстроено собрание; к тому же, место это окружено трактирами, служащими притонами для самых тёмных личностей, что крайне нежелательно» и что «бригада, не получив своевременно место от города, должна была принять убыточное для себя решение – снести два бригадных здания, и тем очистить место для постройки дома собрания»³⁷. 11 июля в новгородской газете «Волховский листок» была опубликована статья, автор которой, скрывшийся под псевдонимом «Z» (вероятно, сам С. Н. Златарский) в резких выражениях подверг критике действия городских властей при решении вопроса о выделении бригаде участка³⁸. Оскорблённые выпадами в свой адрес, гласные Городской думы на заседании 10 сентября решили переслать письмо генерала С. Н. Златарского главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, приложив подробное изложение всего дела, и просить его «принять меры к ограждению городского самоуправления от подобных оскорблений на будущее время»³⁹.

Строительство здания офицерского собрания было начато на месте двух снесённых построек на углу Тихвинской и Мининской улиц, принадлежавших бригаде. Его возведение обошлось в 76 838 рублей и было завершено в 1912 г.⁴⁰ В 1912–1913 гг. бригада занималась благоустройством прилегающей к собранию территории. Дважды, 17 августа 1912 г. и 1 апреля 1913 г., управление бригады обращалось в Городскую управу с просьбой замостить прилегающие к зданию участки Тихвинской и Мининской улиц⁴¹, но оба раза получало отказ по причине отсутствия на это средств⁴². 11 июля 1913 г. бригада обратилась в управу с вопросом, не имеется ли у той возражений против установки перед входом в собрание на специальных постаментх двух выделенных бригаде Главным артиллерийским управлением для украшения здания артиллерийских орудий⁴³. 16 июля управа дала согласие на их установку, «с тем, чтобы не было стеснений для движения по улице»⁴⁴.

³⁷ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 59–59 об.

³⁸ Z. По поводу отказа...

³⁹ Заседание Городской думы // Волховский листок. 1910. № 1940. 14 сентября.

С. 1–2.

⁴⁰ Всеподданнейший отчёт военного министра за 1912 год. Пг., 1916. С. 70.

⁴¹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1644. Л. 61–61 об, 67–67 об.

⁴² Там же. Л. 62–62 об, 68–68 об.

⁴³ Там же. Л. 69.

⁴⁴ Там же. Л. 70.

В годы Первой мировой войны в здании Офицерского собрания 22-й артиллерийской бригады размещался лазарет, в советское время оно было передано Новгородскому госпиталю, в послевоенные годы здание было занято отделами облисполкома, затем до 1968 г. в нём размещался Дом политического просвещения⁴⁵. В настоящее время в здании размещается Управление Пенсионного фонда РФ в Великом Новгороде.

Взаимодействие гарнизона и городских властей по вопросам выделения воинским частям земельных участков под те или иные сооружения далеко не всегда выливались в конфликты. Примером успешного сотрудничества города и гарнизона может служить подготовка сооружения в Новгороде памятника павшим во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. чинам 85-го пехотного Выборгского полка.

Идея соорудить монумент возникла среди офицеров полка в 1913 г. Был образован Комитет по постройке памятника воинам 85-го пехотного Выборгского полка, павшим в кампании 1904/5 гг., председателем которого стал командир полка полковник К. В. фон Фрейман, а почётным председателем избран бывший полковой командир генерал-лейтенант А. М. Зайончковский. Одной из задач комитета была организация сбора необходимых для создания памятника средств. Был объявлен сбор пожертвований на монумент: «Материальные средства продолжают увеличиваться, причём комитету особенно дороги были и будут те малые лепты, которые жертвуются товарищами, родственниками и знакомыми тех, кто «душу свою положил за други своя...»⁴⁶. Узнав о намерении полка соорудить памятник, 4 тысячи рублей из собственных средств пожертвовал император Николай II⁴⁷. Военное ведомство бесплатно отпустило полку для сооружения памятника 600 пудов латунных гильз⁴⁸. В итоге уже к ноябрю 1913 г. необходимая сумма была собрана⁴⁹.

Ещё одной важной задачей комитета был выбор места для будущего памятника. Летом 1913 г. генерал А. М. Зайончковский был приглашён в императорскую резиденцию в Ливадии и в личной беседе с императором сообщил ему о желании полка соорудить памятник. Император пожелал, чтобы памятник стоял неподалёку от того места, где он производил смотр и благословлял полк перед отправкой на фронт в 1904 г., то есть в районе Софийской площади⁵⁰. Комитету совместно с городскими властями предстояло определить точное место установки памятника. 14 декабря 1913 г. в газете «Волховский листок» была напечатана заметка «Памятник выборгцам», автор которой предложил по-

⁴⁵ Трифонова А. Н. Великий Новгород в XX веке. М., 2009. С. 95.

⁴⁶ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 368. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Л. 1–2 об.

⁴⁸ Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С. 402.

⁴⁹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 368. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Л. 2 об.

ставить памятник на Газоне, фасадом к памятнику Новгородскому ополчению 1812 г. и Дворянскому собранию⁵¹. Однако генерал А. М. Зайончковский возразил против этой идеи, предложив другой вариант: «Было бы весьма желательно, чтобы подобный памятник над невидимым прахом убиения [так в документе – *И. Х.*] героев, павших в защите за честь дорогой родины, находился бы в таком месте, где каждый новгородец в благоговейном воспоминании о павших воинах, своих братьях, мог бы сосредоточенно, вне уличного шума и движения отдаваться этим воспоминаниям и мысленно вознести свою молитву за упокой дорогих для многих новгородцев усопших. Таким условиям, несомненно, более всего соответствовало бы место в городском Летнем саду, так как здесь памятник будет расположен в стороне от уличного шума под сенью деревьев – немых свидетелей всего пережитого, всего перенесённого сынами земли Новгородской. Около памятника предполагено устроить дорожку, разбить небольшой цветник и поставить несколько скамеек, где желающие могли бы отдохнуть около цветника. Достигнуть же таких именно условий при расположении памятника в другом месте невозможно»⁵². Для сооружения памятника требовался участок площадью в 15–20 кв. саж. (сам монумент должен был иметь размеры 6 × 10 арш., вокруг него предполагалось устроить дорожку шириной в 2 арш. и небольшой цветник).

Поскольку памятник было решено установить в городе, председатель комитета 12 ноября 1913 г. обратился в Городскую управу с просьбой уступить полку необходимый земельный участок⁵³. Для предварительного обсуждения этого вопроса 25 ноября было организовано частное совещание с участием всех членов Городской управы, 21 гласного Городской думы, председателя Уездной земской управы, городского секретаря, генерал-лейтенанта А. М. Зайончковского и полковника К. В. фон Фреймана. На совещании был заслушан доклад генерала А. М. Зайончковского, рассказавшего о причинах сооружения памятника и просившего городские власти выделить для этой цели земельный участок в Летнем саду. Участники совещания единогласно высказались за удовлетворение этой просьбы⁵⁴. На заседании 13 декабря Городская дума, выслушав доклад управы по этому вопросу, единогласно постановила выделить полку участок «в закруглённом углу сада против Софийской площади размером от 15 до 20 кв. сажень» с условием, что «дальнейшее содержание памятника, его ремонт, а равно освещение и содержание цветника и дорожки около памятника должны относиться навсегда на средства и к обязанности Выборгского полка»⁵⁵.

Оказав услугу полку и лично А. М. Зайончковскому, городские власти обратились к последнему, имевшему связи в придворных кругах,

⁵¹ Волховский листок. 1913. № 2828. С. 1.

⁵² ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 368. Л. 24–24 об.

⁵³ Там же. Л. 1–2 об.

⁵⁴ Там же. Л. 13–14.

⁵⁵ Там же. Л. 25.

с просьбой о содействии в вопросе «об улучшении местного железнодорожного сообщения путём разрешённых уже в Комиссии дорог Орёл – Новгород – Царское Село и Валдай – Новгород – Луга». В письме от 17 декабря 1913 г. городской голова А. А. Соловьёв, сообщая А. М. Зайончковскому об итогах заседания думы 13 декабря, просил его повлиять на мнение министра путей сообщения, возражавшего против сооружения железнодорожной линии Валдай – Крестцы: «Для Новгорода это было бы очень выгодно, ибо тогда мы получили бы кратчайший и прямой выход на Москву чрез Валдай и Бологое, а также чрез Бологое с Рыбинском и, следовательно, с волжскими грузами»⁵⁶. В ответном письме А. М. Зайончковский сообщал, что 24 декабря 1913 г. подал обстоятельную докладную записку министру путей сообщения, «который обещал мне отнестись к ней с особым вниманием»⁵⁷.

Эскиз памятника был одобрен общим собранием офицеров полка в 1913 г., а к началу следующего года должна была быть готова и модель⁵⁸. Предполагалось поместить на памятнике следующую надпись: «В память погибших за веру, царя, Отечество и Великий Новгород воинских чинов Выборгского полка и граждан Новгорода». 30 января 1914 г. модель памятника была представлена в Царскосельском Александровском дворце императору депутацией в составе А. М. Зайончковского, К. В. фон Фреймана и городского головы А. А. Соловьёва⁵⁹. В 1914 г. на заводе Морана в Санкт-Петербурге началась отливка бронзовых фигур для памятника⁶⁰. В марте того же года начались работы по подготовке места для его сооружения – вырубка старых и пересадка молодых деревьев на участке в Летнем саду⁶¹. В мае–июне производилась закладка фундамента – комитет просил Городскую управу разрешить пользоваться для производства бетонных работ пожарным рукавом и краном близ Софийской гостиницы⁶².

Однако сооружён памятник не был. 27 июля 1914 г. 85-й пехотный Выборгский полк выступил в поход. В ответ на запрос А. М. Зайончковского Городская управа 4 августа сообщала, что деньги на постройку памятника городскому управлению полком переданы не были⁶³. Вероятно, работы по возведению памятника были приостановлены до окончания Первой мировой войны и впоследствии возобновлены не были.

Таким образом, вопросы строительства новых зданий и сооружений в интересах расквартированных в городе воинских частей, а также выделения городом земельных участков под них занимали важное ме-

⁵⁶ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 368. Л. 26.

⁵⁷ Там же. Л. 28.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 34–34 об.

⁶⁰ Аполлон. 1914. № 6–7. С. 106.

⁶¹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 368. Л. 43.

⁶² Там же. Л. 46, 49.

⁶³ Там же. Л. 52.

сто в системе взаимоотношений гарнизона и городских властей. В результате строительной деятельности военного ведомства, которая в ряде случаев получала поддержку со стороны органов самоуправления Новгорода, а иногда, напротив, встречала противодействие, в городе появился ряд зданий общественного назначения, органично вписавшихся в архитектурный облик Новгорода и до настоящего времени играющих важную роль в жизни города.